

ЛИНГВИСТИКА

Н. Н. Шпильная¹

Алтайский государственный педагогический университет

ПРИНЦИП СУППОЗИЦИОННОЙ СВЯЗИ ЛЕКСЕМЫ И ТЕКСТА КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКО-КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается новый вид социального взаимодействия – человеко-компьютерная коммуникация, или коммуникация человека с искусственным интеллектом, воплощенным в форме робота или компьютера – электронной лингвоперсоны. Доказывается, что общение человека с компьютером аналогично естественной коммуникации в языковом сообществе. Обосновывается, что ключевым принципом организации человеко-компьютерного дискурса в указанном формате является принцип суппозиционной связи лексемы и текста.

Ключевые слова: лексема, суппозиция, текст, цитация, человеко-компьютерная коммуникация, электронная лингвоперсона, электронное текстовое сознание.

N. N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University

THE PRINCIPLE OF THE SUPPOSITIONAL CONNECTION OF THE LEXEME AND THE TEXT AS A KEY PRINCIPLE OF HUMAN-COMPUTER COMMUNICATION ORGANIZATION

The article deals with a new kind of social interaction – the human-computer communication or general communication of a person with the artificial intelligence embodied in the robot or computer format - an electronic linguaperson. It is proved that the conversation of a human with a computer is analogous to the organization of natural interlocutory communication in the language community. It is substantiated that the key principle of the human-computer discourse organization in the stated format is the principle of the suppositional connection of the lexeme and the text.

¹ Надежда Николаевна Шпильная, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Keywords: lexeme, supposition, text, citation, human-computer communication, electronic linguaperson, electronic textual consciousness.

Постановка проблемы. В статье рассматривается новый вид социального взаимодействия – человеко-компьютерная коммуникация или, в более общем плане, общение человека с искусственным интеллектом, воплощенным в формате робота или компьютера – электронной личности¹. В лингвистическом плане речь идет об электронной языковой личности, или электронной лингвоперсоне². Электронная лингвоперсона – это электронная личность как носитель искусственного интеллекта или базы данных (робот, голосовые помощники, поисковые машины).

В публикациях в СМИ активно обсуждаются вопросы о необходимости законодательного регулирования взаимоотношений с электронной языковой личностью, которая используется в качестве консультанта в магазинах, консьержа в домах и пр. Наряду с необходимостью решения законодательных вопросов, связанных с появлением новой личности в обществе (государстве), возникает необходимость решения чисто лингвистических вопросов, связанных с описанием механизма общения человека с электронной языковой личностью. Как отмечает Олег Кивокурцев, существуют различные трудности во взаимодействии людей и электронных личностей, одной из которых является неготовность людей к общению с роботами (искусственным интеллектом) вследствие того, что у людей отсутствует модель коммуникативного взаимодействия с электронной языковой личностью. Ср: «Так, например, увидев робота, люди задают ему какие-то базовые вопросы, а часто просто стоят и не знают, что спросить. Точно так же мы с вами когда-то в детстве неуверенно стояли под испытующим взглядом продавщицы, когда нас впервые послали в магазин за продуктами одних. Модель взаимодействия с нашими сверстниками или родителями уже прочно уложилась на тот момент в голове, а вот взаимодействие с продавщицей было в новинку» [Кивокурцев, URL: <https://tjournal.ru/29547-chetyre-trudnosti-kotorye-voznikayut-pri-obshchenii-mezhdu-lyudmi-i-robotami-nablyudeniya-ot-promobot>].

¹ Термин «электронная личность» заимствован нами с ресурса <http://www.bbc.com/russian/news-41384879>, где обсуждается вопрос законодательного регулирования взаимоотношения людей с роботами.

² Термин «лингвоперсона» предложен Н.Д. Голевым в [Голев и др. 2014].

Далее мы будем использовать термин «человеко-компьютерная коммуникация» для описания взаимодействия человека с электронной языковой личностью. На сегодняшний день известны различные приложения, которые создают компании, работающие в сфере производства программных продуктов. В числе таких приложений – электронная языковая личность Алиса (голосовой помощник, выпущенный компанией Яндекс), которая умеет отвечать на голосовые сообщения или текстовые сообщения пользователей на разные темы (о погоде, местоположении и пр.), электронная языковая личность Siri и Google Assistant и пр.

Как известно, одним из первых виртуальных собеседников была программа «Элиза», созданная в 1966 году Джозефом Вейценбаумом. Она имитировала речевое поведение психотерапевта, реализуя технику рефлексивного слушания: переспрашивала пользователя и использовала фразы типа «Продолжайте, пожалуйста», данная программа моделировала фатическую функцию речи – функцию установления и поддержания коммуникативных контактов [Войсунский, 1983]. При этом, как отмечают исследователи, принципы действия «Элизы» часто приводили «к эффектам, аналогичным общению между людьми» [там же, с. 37]. В это время появляется идея отношения «к машинной программе как к другому человеку», появляются другие программные продукты типа программы «Джин», наделенной своим создателем элементами личности, – персонификацией; проводятся серии экспериментов по общению человека с интеллектуальными программами, выполняющими функции врача / доктора, электронного психотерапевта («Доктор») [там же, с. 38; 46-47].

В настоящее время активно создаются различные чат-боты, имитирующие речевое поведение человека в различных сферах, в том числе в сфере медицины, страхования, обслуживания и пр. К электронной языковой личности относятся не только перечисленные выше виртуальные собеседники, но и интеллектуальные системы распределенного поиска в Интернете как носители глобального текстового сознания. В целом появление большого числа электронных языковых личностей, наделенных различным функционалом, позволяет сформулировать проблему поиска путей общения человека с электронной языковой личностью.

В статье обосновывается положение, согласно которому общение человека с электронной лингвоперсоной основывается на тех же принципах, что и естественная человеческая коммуникация. Кажущаяся очевидность данного предположения объясняется тем, что

носитель языка смог самостоятельно решить проблему общения с электронной языковой личностью. Однако в собственно гносеологическом аспекте¹ данная проблема не была описана (решена) в лингвистической литературе, хотя попытки описания принципов общения лингвоперсоны и электронной языковой личности предпринимались в лингвистике XX в. (об этом см. далее).

Человеко-компьютерная коммуникация как вид социального взаимодействия. Изучение человеко-компьютерной коммуникации в России началось в середине 80-х гг. XX в. в связи с разработкой технических систем с интеллектуальными свойствами и систем искусственного интеллекта и их приложений. Основной аспект изучения был связан с моделированием механизма общения электронной языковой личности с человеком [Новое в зарубежной лингвистике, 1989, URL: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worddocuments/_htm; Соснин, 2010]. При таком подходе важно было прояснить, как электронной [языковой] личности общаться с человеком. В настоящее время актуальными становятся вопросы о моделировании механизма общения человека с электронной языковой личностью. Этот вопрос актуализировался, как мы отмечали выше, в связи с тем, что электронные языковые личности становятся полноправными «членами общества», выполняющими те или иные социальные функции, – консьержа, консультанта в магазине и пр. Признавая электронную языковую личность равноправным участником коммуникации, ученые тем не менее высказывают сомнения относительно возможности вести полноценный диалог с электронной языковой личностью; камнем преткновения здесь, в частности, видится полисемия языковых знаков – как лексических, так и синтаксических², которую носитель языка способен распознать, а электронная языковая личность – нет. Мы не будем останавливаться на этом вопросе подробно, но заметим, что общение человека с электронной языковой личностью показывает условность данных парадоксов; их условность определяется тем, какую поверхностную синтаксическую (лексико-синтаксическую) структуру способна понять

¹ Мы различаем онтологический и гносеологический аспекты проблемы научного исследования. Онтологический аспект проблемы научного исследования связан с осознанием самой проблемы как фрагмента действительности. А гносеологический аспект проблемы связан с необходимостью ее описания с использованием соответствующего понятийно-терминологического аппарата.

² Парадокс Бар-Хиллела и парадокс Т. Винограда описаны в [Горелов, 1987].

и интерпретировать электронная языковая личность. Другими словами, дело не в том, что электронная языковая личность не способна понять те или иные языковые знаки, а в том, что носителю языка необходимо адаптировать свой механизм речепорождения к общению с ней, подобно тому как родители адаптируют свои реплики к репликам ребенка [Колмогорова, 2013], как носители языка, владеющие его устной и письменной вербальной формой, адаптируют свои семиотические навыки для общения с людьми, имеющими те или иные нарушения в слуховом или зрительном восприятии языковых знаков.

Насколько нам известно, вопрос о специфике общения человека с электронной языковой личностью в собственно лингвистическом ключе не ставился, хотя попытки решения данной проблемы в общетеоретическом аспекте предпринимались в 70-80-х гг. XX века отечественными лингвистами и психолингвистами, рассматривающими в самом общем виде проблему коммуникативного взаимодействия «человека с машиной» [Войскунский, 1983; Горелов, 1987; Звегинцев, 1968]. Так, анализируя в общетеоретическом ключе проблему взаимодействия «человек – машина», В. А. Звегинцев приходит к выводу, что оно не исчерпывается созданием алгоритмических искусственных языков, способных управлять машиной и обеспечивать взаимодействие с человеком. По мнению В. А. Звегинцева, общение между человеком и машиной сохраняет признаки естественной человеческой коммуникации. «От человека в его “разговоре” с машиной также сохраняется коммуникативное намерение, а следовательно, и инициатива “разговора”, что весьма важно, а также и то весьма существенное обстоятельство, что этот “разговор” будет осуществляться через посредство дискретных единиц информации в том их истолковании, которое было дано выше, и в том их виде, какой они получают в естественном – человеческом – языке» [Звегинцев, 1968, с. 285]. Как видим, приведенные особенности сближают общение человека с машиной с речевой коммуникацией людей между собой.

А.Е. Войскунский, анализируя эксперименты, проведенные М. Макгайром в области общения человека с ЭВМ, отмечает, что «коммуникация с ЭВМ на естественном языке строится индивидами по модели межчеловеческого общения» [Войскунский, 1983, с. 36].

И.Н. Горелов в работе «Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы» [1987], анализируя механизм общения человека с компьютером, приходит к выводу, согласно которому носителю языка для общения с компьютером нужно

предъявлять те «формы поверхностных структур», которые последний способен опознать и понять [Горелов, 1987, с. 204]. Мы не будем касаться вопроса понимания высказывания компьютером и понимания высказывания человеком – тождественны они или нет. Это не принципиально. Важен конечный результат. Электронная языковая личность способна выдать информацию на запрос носителя языка, что показывает и доказывает реальная практика взаимодействия человека с электронной лингвоперсоной. Важно то, что носитель языка, инициирующий общение с последней, должен перейти на тот язык общения, который понятен его адресату. А.П. Ершов назвал такой язык деловой прозой. Интерпретируя фактический смысл, который стоит за этим термином, И.Н. Горелов приходит к выводу, что «деловая проза не должна, в частности, содержать двусмысленных или слишком разнообразных языковых единиц. Она не должна, далее, порождаться (ни человеком, ни тем более – компьютером) так, как порождается обычный текст, обычное высказывание. Вместо традиционной единицы – слова – в качестве таковой должна выступать синтагма – двух-, трехсловное и в отдельных случаях более длинное словосочетание» [там же].

На сегодняшний день в видеопубликациях отечественных ученых [Бурцев, URL: <https://postnauka.ru/video/82039>; Логачева, URL: postnauka.ru/video/81697] ставится проблема поиска возможности общения человека с электронной языковой личностью. Данная проблема ставится лингвистами в широком диапазоне, предполагающем возможность общения человека с искусственным интеллектом, воплощенным в формате робота, чат-бота, компьютера или интеллектуальной системы распределенного поиска в Интернете. В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением вопроса о лингвистических основаниях общения человека с электронной лингвоперсоной, представленной в формате интеллектуальной системы распределенного поиска в Интернете (далее в целях удобства обозначения будем использовать только термин «Интернет» для указанной номинации).

Интернет как электронная лингвоперсона – носитель электронного текстового сознания. В человеко-компьютерной коммуникации Интернет представляет собой электронную лингвоперсону, которая ведет либо устный¹, либо письменный диалог с носителем языка. В отличие от носителя языка, обладающего языковым сознанием, Интернет обладает электронным текстовым

¹ Например, браузер Google имеет голосовой помощник.

сознанием¹. Текстовое сознание – это не аналог языкового сознания, как его понимают современные исследователи [Ушакова, 2000; Шахнарович, 1991]. Единицами текстового сознания являются не единицы языка, их «отпечатки», а тексты – как вербальные, так и креолизованные. Можно сказать, что текстовое сознание наполнено языковым материалом – в том понимании, которое вкладывал в данный термин Л.В. Щерба [Щерба, 1974]. Так, в этой виртуальной текстовой реальности (текстовом сознании) представлены книги, журналы, газеты, видеофильмы, аудиокниги, рекламные тексты, сайты различных организаций и пр. текстовые репрезентанты части физического мира, окружающего людей. Являясь электронной лингвоперсоной, Интернет участвует в диалоге с носителем языка. Однако специфика общения Интернета с носителем языка заключается в том, что адресантом в этом акте коммуникативного взаимодействия выступает носитель языка, осуществляющий запрос той или иной информации, а адресатом – Интернет как носитель глобального электронного текстового сознания. Другими словами, общение человека с Интернетом как электронной лингвоперсоной выстраивается по модели вопросно-ответных единств. Кроме того, специфика общения человека с Интернетом базируется на механизмах кодирования и декодирования информации: «отражение этих свойственных человеческому общению процессов в общении человека с машиной, по-видимому, неизбежно, так как речь идет все же об общении с орудием, являющемся, в сущности, продолжением его самого, не понимающем его внутренней речи» [Садур, 1983, с. 116].

Лингвистические основания диалога человека с Интернетом как электронной лингвоперсоной. Решаемая в статье частная проблема – проблема общения человека с электронной лингвоперсоной, представленной в формате Интернета, – кажется на первый взгляд решенной, хотя бы потому, что реальная коммуникативная практика показывает, что носитель языка самостоятельно решил данную проблему, может быть, методом проб и ошибок, может быть, спонтанно, но он адаптировал свой речемыслительный (семиотический) механизм к решению проблемы диалога с электронной языковой личностью. Однако в собственно лингвистическом ключе данная проблема не была обозначена и решена. В рамках данной статьи мы, конечно, не претендуем на абсолютное решение этой проблемы, но попытаемся показать, во-

¹ Об идее коррелятивности электронного и человеческого языкового сознания см. в [Голев, 2018].

первых, что общение человека с Интернетом – это диалогическая коммуникация, а во-вторых, что это общение базируется на собственно языковых принципах организации естественной речевой коммуникации.

Развивая идеи В.А. Звегинцева, мы далее полагаем, что общение человека с Интернетом представляет собой разновидность диалога, в котором так или иначе участвуют два субъекта общения, один из которых инициирует общение, а другой осуществляет акты восприятия / понимания и интерпретации. Это общение строится преимущественно по типу вопросно-ответного взаимодействия. Следовательно, можно предположить, что этот вид коммуникации организован по тем же законам, что и языковая (естественная) диалогическая коммуникация. Отличие диалога носителя языка с электронной лингвоперсоной проявляется в том, что он, во-первых, ориентирован прежде всего на удовлетворение пользовательского запроса адресанта – носителя языка, а во-вторых, адресат выдает не один ответ, а сразу несколько. Однако и в общении с электронной лингвоперсоной Интернет возможны уточняющие вопросы, если выданный последним ответ не соотносится с замыслом человека.

Заметим, что удовлетворение пользовательского запроса возможно только в случае учета фактора адресата (по Н.Д. Арутюновой); учет фактора адресата предполагает умение коммуникативно грамотно сформулировать запрос информации, чтобы извлечь необходимую информацию из глобального текстового сознания, носителем которого является Интернет. Разумеется, мы признаем неполноценный характер такой коммуникации, проявляющийся в том, что Интернет, как участник коммуникации, обладает той информацией, которую мы в нее вложили. Ср. с высказыванием В.А. Звегинцева: «Сколько вложил в машину информации, столько и получил ее обратно, хотя и в преобразованном виде» [Звегинцев, 1968, с. 288]. Однако такой отчасти неполноценный характер коммуникации мы можем наблюдать и в естественной коммуникации – в ситуации общения взрослого с ребенком, в ситуации ответа студента на экзамене, при защите выпускной квалификационной работы, в ситуации покупки билета на автовокзале или железнодорожном вокзале, где адресат, вступая в коммуникацию, дает заложенную в нем информацию. И в этом смысле он [адресат] мало чем отличается от электронной лингвоперсоны.

Специфика общения человека с Интернетом, на первый взгляд, определяется чисто техническими параметрами. Коммуникация между ними осуществляется через поисковую строку различных браузеров –

Google, Yandex и других. Для осуществления коммуникации – удовлетворения пользовательского запроса – носитель языка должен ввести в поисковую строку слово (словоформу), словосочетание, синтагматическую цепочку слов, вопрос и пр. В ответ на пользовательский запрос появится веб-страница, содержащая в свернутом виде отсылки к текстам, в которых фигурирует искомая номинация (номинативная / синтагматическая цепочка). Таковы основные технические, задаваемые специалистами в области IT-программирования, предпосылки человеко-компьютерной коммуникации в варианте взаимодействия носителя языка и Интернета. Далее в статье развивается мысль о том, что технические предпосылки общения человека с Интернетом имеют чисто лингвистические основания, они имитируют принципы организации естественной человеческой – диалогической – коммуникации. Основным здесь является принцип суппозиционной связи лексемы и текста. Кроме того, техническая модель организации человека с электронной лингвоперсоной Интернетом связана с оптимизацией фатической функции языка, обеспечивающей вербально-прагматический контакт между участниками коммуникации, то есть контакт, опосредуемый лексемой (номинативными механизмами), а не общим референтным событием (темой).

Прагматический принцип организации диалога носителя языка и электронной лингвоперсоны Интернет. Как известно, именно прагматическое значение является доминирующим в интенционале любого языкового знака и – прежде всего – диалогического высказывания. Создавая свое высказывание, носитель языка, учитывая фактор адресата, формулирует свое высказывание в форме отдельных словоформ или синтагматических цепочек с нулевой синтаксической связью или эксплицитно выраженной. В этом случае носитель языка занимает позицию отвечающего, осуществляющего прагматическую выводимость означаемого из означающего, где означающее – это компоненты будущего высказывания Интернета как электронной лингвоперсоны. При этом носитель языка использует не просто синтагматическую цепочку или отдельную номинацию, входящую в текстовое сознание электронной лингвоперсоны, он выражает определенное прагматическое значение – это значение вопроса. Только в отличие от естественной речевой коммуникации прагматическое значение вопроса выражается в общении с Интернетом не всегда эксплицитно, оно может быть выражено имплицитно, в пресуппозиции типа «Я хотел бы узнать о...».

Например:

- верификация наука,
- верификация лингвистика,
- консенсус это,
- где купить пуховик в Барнауле,
- салон красоты Барнаул и пр.

Однако данные синтагмы (номинативные цепочки) – это единицы коммуникации, диалогические высказывания, выражающие прагматическое значение вопроса за счет актуализации ремы как компонента коммуникативной перспективы высказывания.

Парадигматико-синтагматический принцип организации диалога носителя языка и электронной лингвоперсоны Интернет. В диалоге человека с обозначенной электронной лингвоперсоной актуализируется парадигматико-синтагматический принцип организации речевой деятельности, о котором говорил Ф. де Соссюр [Соссюр, 1999]. Однако он преломляется с учетом действия фактора адресата. Извлекаемые из языкового сознания человека словоформы и образуемые из них синтагматические цепочки отражают прежде всего не их потенциальную (вероятностную) связь в языковом сознании носителя языка, а их связь в текстовом сознании электронной лингвоперсоны – Интернета. Это позволяет сделать вывод о том, что электронная лингвоперсона Интернет запрограммирована по модели языкового существования, предложенной Б.М. Гаспаровым, согласно которому языковая деятельность основана на механизме цитации, при которой в процессе вербализации осуществляется экспликация коммуникативных фрагментов, образующих сложный сплав синтагматических (текстовых) цепочек в языковом сознании носителя языка [Гаспаров, 1996]. Этой идеи близки работы, выполненные в русле дериватологии, в которых, например, доказывается лексико-деривационная природа текста, где лексический компонент становится опорой для развертки синтагматических цепочек, основанных на вероятностных ассоциативных (мы бы сказали – контекстуальных) связях. Реальные высказывания, создаваемые носителями языка для общения с Интернетом, позволяют говорить о том, что диалогическая коммуникация между человеком и компьютером основана на суппозиционной связи лексемы (словоформы) и текста. Также сказанное означает, что в языковой способности носителя языка заложена (автоматизированна) модель диалога, обнаруживаемая в общении человека с электронной лингвоперсоной, – Интернетом. В этом смысле справедливыми оказываются слова Б.Ю. Городецкого, согласно которому «компьютерное моделирование речевого общения представляет собой с этой точки зрения удобный полигон для

эффективного испытания общетеоретических концепций и гипотез о природе языка, о принципах его действия; сегодня это одна из важнейших форм “эксперимента в языкознании” (Л.В. Щерба) – эксперимента вычислительного, эксперимента компьютерного» [Городецкий, URL: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worlddocuments/__.htm].

О суппозиционной связи лексемы и текста. В нашей докторской диссертации [Шпильная, 2016], посвященной деривационному моделированию диалогического текста, в качестве одного из принципов описания (в гносеологическом аспекте) и организации (в онтологическом аспекте) естественной диалогической коммуникации выделен принцип суппозиционной связи лексемы и текста. Данный принцип базируется на признании следующих положений. Во-первых, языковое сознание носителя языка состоит из текстов как коммуникативных фрагментов (по Б.М. Гаспарову), определяющих среду языкового существования человека. Во-вторых, тексты в языковом сознании носителя языка представлены в редуцированном формате – в виде отдельных лексем (словоформ), образующих синтагматические, парадигматические или эпидигматические цепочки (фрагменты), основанные на ассоциативной связи и образующие превербальный текст, не реализуемый, но готовый реализоваться в соответствующей ситуации общения, например, на запрос той или иной информации. В-третьих, процесс производства диалогического текста (а согласно развиваемой нами концепции любой текст является диалогическим) осуществляется как процесс отображения (интерпретации) определенных словоформ текста-основы в языковом сознании адресата и далее актуализации номинативно-синтагматических связей ключевых лексем, образующих те или иные коммуникативные фрагменты и являющихся «осколками» текстов, бытующих (функционирующих) в языковом сознании носителя языка – адресата. Принцип суппозиционной связи лексемы и текста был выделен и обоснован нами на основе анализа сетевой коммуникации. Он показывает «момент встречи» двух языковых (текстовых) сознаний, понимаемый в духе М.М. Бахтина. Далее рассмотрим, каким образом данный принцип проявляется в человеко-компьютерной коммуникации, в частности, в диалоге носителя языка и Интернета как электронной лингвоперсоны.

Проявление принципа суппозиционной связи лексемы и текста в диалоге носителя языка и электронной лингвоперсоны Интернет. В процессе человеко-компьютерной коммуникации носитель языка создает свой диалогический текст. Этот текст на

ментально-вербальном уровне представлен в формате номинативной или номинативно-синтагматической цепочки, отражающей особенности бытования тех или иных коммуникативных фрагментов в языковом (текстовом) сознании адресата. Далее в процессе коммуникации текст адресанта как бы перемещается в некоторую виртуальную зону, в которой он отражается как ментально-текстовый феномен, моделирующий образ будущего вербального текста Интернета. В таком случае возникает как бы третий текст, который представляет собой уже не текст адресанта, но еще и не текст адресата.

Приведем пример.

Допустим, нам надо узнать, что такое верификация.

Для осуществления коммуникации с Интернетом мы формулируем наш вопрос в такой форме, которая является в то же время способом интерпретации (отображения) вопроса в текстовом сознании адресата – электронной языковой личности. Сложно сказать, является ли такая формулировка вопроса аналогом того коммуникативного фрагмента, который выступал аналогом текста на уровне его ментально-вербальной организации у адресанта, но общий принцип взаимодействия двух субъектов общения сохраняется: в некотором виртуальном пространстве (= поисковой строке) создается текст-примитив, который является образом будущего текста адресата-компьютера (см. рис. 1).

В нашем примере этот текст может быть представлен в различных вариантах:

- однословной номинации: *верификация*
- двусловной номинативной цепочки: *верификация это*
- двусловной номинативной цепочки: *верификация лингвистика*

и пр.

Ср.:

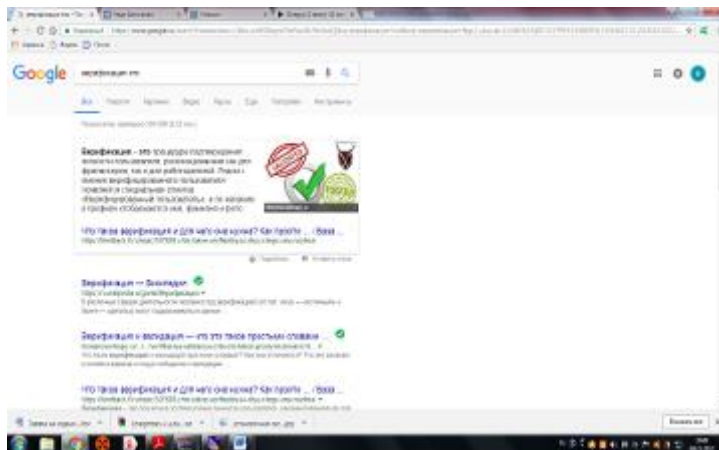

Рис.1 Диалогическая коммуникация между человеком и интеллектуальной системой распределенного поиска (Интернетом)

Далее текст-примитив отображается (интерпретируется) в текстовом сознании Интернета как адресата нашего сообщения. В текстовом сознании последнего актуализируются различные синтагматические и парадигматические цепочки, в которых лексема *верификация* является составной частью (см. рис. 1). Приведем некоторые из них:

- **Верификация** – это процедура

- В различных сферах деятельности человека под верификацией (от лат. *veris* — «истинный» и *facere* — «делать») могут подразумеваться разные

- верификация и валидация

Что такое **верификация** и валидация простыми словами? Чем они отличаются? Что это означает в онлайн-сервисах и когда сообщение о валидации

Эти цепочки являются частью будущего текста, который «создаст» компьютер в качестве ответа на вопрос адресанта. Например:

верификация и валидация

Что такое **верификация** и валидация простыми словами? Чем они отличаются? Что это означает в онлайн-сервисах и когда сообщение о валидации...

Таково в общих чертах представление проявления принципа суппозиционной связи лексемы и текста в человеко-компьютерной

коммуникации – в общении человека и электронной лингвоперсоны Интернет.

Заключение. Таким образом, наши наблюдения показывают, что человеко-компьютерная коммуникация в варианте диалога человека и электронной лингвоперсоны Интернет, моделируемая в рамках решения вопросов взаимодействия информационных систем, в принципе аналогична организации естественной диалогической коммуникации в языковом сообществе. Эти наблюдения позволяют говорить о том, что принцип деривационной связи лексемы и текста, организующий акты диалогической коммуникации на глубинном уровне, имеет онтологический статус. Другими словами, данная модель диалога заложена в языковой способности носителя языка, подтверждением чему служит возможность человека осуществить коммуникацию с электронной языковой личностью.

В статье были продемонстрированы лингвистические основания человеко-компьютерной коммуникации на примере анализа общения человека с электронной лингвоперсоной Интернетом. Мы попытались доказать, что человеко-компьютерная коммуникация основана на тех же принципах, что и естественная диалогическая коммуникация, осуществляемая между членами языкового сообщества.

К сожалению, нам неизвестно, опирались ли программисты при разработке модели коммуникативного взаимодействия человека и искусственного интеллекта на лингвистические данные. Думается, что наши выводы были получены независимо друг от друга. Косвенным подтверждением сказанному является и то обстоятельство, согласно которому деривационное моделирование коммуникации осуществилось нами значительно позже, чем была смоделирована техническая модель коммуникации, оптимизированная для общения носителя языка и Интернета. А это означает, что прикладные сферы использования языка как предмет исследования прикладной лингвистики могут развиваться относительно независимо от лингвистических теорий, объясняющих их. Но в то же время их (сфер использования языка) анализ позволяет говорить о том, что они могут создавать лингвистические теории, приложимые к объяснению и описанию естественного функционирования языка.

Мы рассмотрели лишь один из аспектов взаимодействия человека и электронной языковой личности. В перспективе возможно рассмотреть принципы и механизмы организации диалога с другими типами электронных лингвоперсон, что позволит сделать вывод о моделях диалога, заложенных в языковой способности носителя языка.

В прикладных целях рассматриваемый в статье вопрос имеет значение для осуществления сетевого информационного маркетинга, предполагающего продвижение информации пользователями, создающими тексты специально для размещения в сети Интернет, для того чтобы облегчить поиск этой информации носителями языка и тем самым осуществить продвижение информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурцев, М. Диалоговые системы. Как чат-боты общаются с нами в мессенджерах? [Электронный ресурс] / М. Бурцев. – URL: <https://postnauka.ru/video/82039>. (12.10.2018).

Войсунский, А. Е. Моделирование общения / А.Е. Войсунский // Речевое общение: проблемы и перспективы / Отв. ред. Ф.М. Березин. – Москва: ИНИОН АН СССР, 1983. – С. 16-60.

Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Голев, Н. Д. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Том. 1 / Н.Д. Голев и др. – Москва: Ленанд, 2014. – 640 с.

Голев, Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода / Н.Д. Голев // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2018. Т. 18. – № 1 (в печати).

Горелов И. Н. Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы / И.Н. Горелов. – Москва: Наука, 1987. – 256 с.

Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения [Электронный ресурс] / Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIV. Компьютерная лингвистика. – Москва: Прогресс, 1989. – URL: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worddocuments/_htm. (12.10.2018).

Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. – Москва: Просвещение, 1968. – 338 с.

Кивокурцев, О. Четыре трудности, которые возникают при общении между людьми и роботами. Наблюдения от Promobot / О. Кивокурцев. – URL: <https://tjournal.ru/29547-chetyre-trudnosti-kotorye-voznikayut-pri-obshchenii-mezhdu-lyudmi-i-robotami-nablyudeniya-ot-promobot>. (12.10.2018).

Колмогорова, А. В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределённой модели языка и когниции / А.В. Колмогорова. – Москва: Флинта-Наука, 2013. – 168 с.

Логачева, В. Оценка ответов машины на естественном языке. Может ли машина отвечать на вопросы так же, как человек? [Электронный ресурс] / В. Логачева. – URL: postnauka.ru/video/81697. (12.10.2018).

Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIV. Компьютерная лингвистика. – Москва: Прогресс, 1989. – URL: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worddocuments/_htm. (12.10.2018).

Садур, В. Г. Речевое общение с электронно-вычислительными машинами и проблемы их развития / В. Г. Садур // Речевое общение: проблемы и перспективы / Отв. ред. Ф.М. Березин. – Москва: ИНИОН АН СССР, 1983. – С. 78-113.

Соснин, П. И. Вопросно-ответное программирование человеко-компьютерной деятельности / П.И. Соснин. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 240 с.

Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Под общ. ред. М.Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. – 432 с.

Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. – Москва, 2000. – С. 13-23.

Шахнарович, А. М. К проблеме языковой способности (механизма) / А.М. Шахнарович // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – Москва: Наука, 1991. – С. 185-220.

Шпильная, Н. Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дис. д-ра филол. наук / Н.Н. Шпильная, 2016. – 623 с.

Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград, 1974. – С. 24-39.

REFERENCES:

Burcev, M. Dialogovye sistemy. Kak chat-boty obshchayutsya s nami v messendzherah? [Elektronnyi resurs] / M. Burcev. Rezhim dostupa: <http://postnauka.ru/video/82039>. (12.10.2018).

Gasparov, B. M. YAzyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya / B.M. Gasparov. – Moskva: «Novoe literaturnoe obozrenie», 1996. – 352 s.

Golev, N. D. YAzykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. Tom. 1. / N. D. Golev i dr. – Moskva: Lenand, 2014. – 640 s.

Golev, N. D. Istochnikovyj potencial obratnogo mashinnogo perevoda / N.D. Golev // Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta. 2018. T. 18. № 1 (v pečati).

Gorelov, I. N. Razgovor s komp'yuterom: Psiholingvističeskij aspekt problemy / I. N. Gorelov. – Moskva: Nauka, 1987. – 256 s.

Gorodeckij, B. YU. Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obščheniya [Elektronnyj resurs] / B. YU. Gorodeckij // Novoe v zarubežnoj lingvistike. Vyp. XXIV. Komp'yuternaya lingvistika. – Moskva: Progress, 1989. Režim dostupa: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worddocuments/_htm. (12.10.2018).

Kivokurcev, O. Četyre trudnosti, kotorye voznikajut pri obščhenii mezhdru lyud'mi i robotami. Nablyudeniya ot Promobot / O. Kivokurcev. Režim dostupa: <https://tjournal.ru/29547-chetyre-trudnosti-kotorye-voznikajut-pri-obščhenii-mezhdru-lyudmi-i-robotami-nablyudeniya-ot-promobot>. (12.10.2018).

Kolmogorova, A. V. «Mamin jazyk»: praktiki materinskogo obščheniya v kontekste raspredel'noj modeli jazyka i kognicii / A.V. Kolmogorova. – Moskva: Flinta-Nauka, 2013. – 168 s.

Logacheva, V. Ocenka otvetov mashiny na estestvennom jazyke. Možet li mashina otvechat' na voprosy tak zhe, kak čelovek? [Elektronnyj resurs] / V. Logacheva. Režim dostupa: postnauka.ru/video/81697. (12.10.2018).

Novoe v zarubežnoj lingvistike. Vypusk XXIV. Komp'yuternaya lingvistika. – Moskva: Progress, 1989. Režim dostupa: http://www.classes.ru/grammar/165.new-in-linguistics-24/source/worddocuments/_htm. (12.10.2018).

Sadur, V. G. Rečevoe obščhenie s ehlektronno-vychislitel'nymi mashinami i problemy ih razvitiya / V.G. Sadur // Rečevoe obščhenie: problemy i perspektivy / Otv. red. F.M. Berezin. – Moskva: INION AN SSSR, 1983. – S. 78-113.

Sosnin, P. I. Voprosno-otvetnoe programmirovanie čeloveko-komp'yuternoj deyatelnosti / P.I. Sosnin. – Ul'yanovsk: UIGTU, 2010. – 240 s.

Sossyur, F. Kurs obščhej lingvistiki / F. de Sossyur // Pod obščh. reya. M. EH. Rut. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural.un-ta, 1999. – 432 s.

SHahnarovich, A. M. K probleme jazykovoj sposobnosti (mekhanizma) / A.M. SHahnarovich // Čelovečeskij faktor v jazyke: jazyk i porozhdenie reči. – Moskva: Nauka, 1991. – S. 185-220.

SHpil'naya, N. N. Russkij dialogičeskij tekst: derivacionnyj aspekt: dis. d-ra filol. nauk / N.N. SHpil'naya, 2016. – 623 s.

SHCHerba, L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob ehksperimente v yazykoznanii / L.V. SHCHerba // YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – Leningrad, 1974. – S. 24-39.

Ushakova, T. N. YAzykovoe soznanie i principy ego issledovaniya / T.N. Ushakova // YAzykovoe soznanie i obraz mira. – Moskva, 2000. – S. 13-23.

Vojskunskij, A. E. Modelirovanie obshcheniya / A.E. Vojskunskij // Rechevoe obshchenie: problemy i perspektivy / Otv. red. F.M. Berezin. – Moskva: INION AN SSSR, 1983. – S. 16-60.

Zvegincev, V. A. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika / V. A. Zvegincev. – Moskva: Prosveshchenie, 1968. – 338 s.

Р.Т. Садуов¹

Башкирский государственный университет

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОМИКСЕ

(на материале комикса «Экслибриум»)²

Статья посвящена анализу прецедентных феноменов (ПФ) в современном российском комиксе «Экслибриум». В центре внимания сферы-источники ПФ, их происхождение, а также временная отнесенность. Автор также исследует способ выражения ПФ – посредством одной или нескольких знаковых систем.

Ключевые слова: комикс, прецедентный феномен, Экслибриум, сфера-источник, Bubble

R.T. Saduov

Bashkir State University

PRECEDENCE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN COMICS

(A CASE STUDY OF EXLIBRIUM)

¹ Руслан Талгатович Садуов, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, член Российской коммуникативной ассоциации (Уфа),

² Данное исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-04-00061.